

Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Каспийского похода Петра I

Шарафетдин Магарамов

Russian-Dagestani diplomatic relations on the eve of the Caspian campaign of Peter I

*Sharafetdin Magaramov (Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala)*

Как известно, успехи русской армии и флота в Северной войне позволили Петру I снова заняться укреплением российского влияния на Каспии. Ещё в 1714 г. под руководством кн. А. Бековича-Черкасского была организована экспедиция для поиска торгового пути в Индию. Перед Бековичем была также поставлена задача установить прочные контакты с Кабардой и Дагестаном и разузнать о природных богатствах Северного Кавказа¹. В том же году князь сообщал царю о планах турецкого правительства подчинить своей власти кабардинцев и дагестанцев, «дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить»². Тогда, оказавшись в подчинении Турции, они «могут не малую силу показать, понеже оный народ лучше в войне кроме регулярного войска». Если же в интересах России «оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под власть свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться, а когда уже турки их под себя утверждают, тогда уже будет поздно и весьма невозможно». Пока же, полагал Бекович, принять население Дагестана в российское подданство можно без больших затруднений, поскольку «тот народ вольный и никому иному не присутствует (не подчиняется. — Ш.М.)», а шамхалы и другие кумыкские правители ранее неоднократно приносили шерсть русскому царю и отдавали своих детей в аманаты-заложники³. Кроме того, для закрепления позиций России на западном берегу Каспийского моря следовало «в удобном месте учинить крепость»⁴. Уже в мае 1714 г. Пётр I подписал указ Сенату, повелевая принять меры для привлечения дагестанских владетелей на сторону России⁵.

Отправленный в 1715 г. послом в Персию А.П. Волынский, готовя Каспийский поход и утверждая, что «малым корпусом великую часть России присокупить без труда можно», советовал царю принять в подданство «кумыцкий народ», поскольку к тому времени шамхал тарковский Адиль-Гирей и владетель Султан-Мут уже «показали верности»⁶.

© 2017 г. Ш.А. Магарамов

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 103.

² Лыццов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1951. С. 109.

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 224.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же. С. 223–225.

⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 410.

Правильно оценив соотношение сил в регионе, Адиль-Гирей последовательно шёл на сближение с царским двором, не считаясь с угрозами шахских властей лишить его титула шамхала⁷. По словам И.И. Голикова, Адиль-Гирей, «видя со стороны шахской худые распоряжения и слабость, обратился к российскому монарху, отдавая себя в подданство... его величества»⁸.

В 1717 г. Адиль-Гирей Будаиханов отправил к Петру I своего посла Айдар Айдарбекова с письмом, в котором, напоминая о том, что «многие люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали», и «прежде всего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе», выражал готовность как «покорный раб ваш» «всегда с придержанием во услугах ваших пребывать и с союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятелями вашими противиться». «Ныне, – сообщал шамхал, – все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаки, и казикумуки, и их сильные князи, и начальники, и старшины здесь суть согласившись вашу службу приняв поддались... При всем вашему великому указу всепослушными остаемся»⁹. В марте 1718 г. царь отвечал: «Оное твое прошение милостиво усмотрели и тебя, Адиль-Гирея, под оборону нашу и подданство принимаем. И во знак тоя наша царской милости повелели из нашей царского величества казны жалованья соболей и протчего с ним твоим посланцом послать повелели, которой по тебе верно вручить, и протчее от министров наших наказанное изустное сообщить указ имеет, тако ж мы, великий государь, наше царское величество указали о хранении тебя от твоих неприятелей к губернатору казанскому и астраханскому коменданту надлежащие указы послать»¹⁰. В качестве почётного караула Адиль-Гирею было выделено 12 солдат под командой унтер-офицера и две пушки¹¹.

В 1719 г. шамхал направил в Россию представительное посольство¹² во главе со своим двоюродным братом Мамет-беком Алыпкачевым, прося, чтобы его сын Хасбулат, посылаемый в качестве аманата, «имел команду в Терках над народом, нарицаемых ахухом-черкесы, над которыми был начальником и беом Адиль-Гирей терский»¹³. 20 апреля, устно изложив эту просьбу в Коллегии иностранных дел, посол также ходатайствовал о том, чтобы «когда его, Адиль-Гирея, люди приезжают в Москву или в другие российские города для покупки за свои деньги потребное число порохов, свинец и ружье», их «на заставах, не задерживая», пропускали¹⁴.

Заверяя, что «как изволение от е[го] ц[арского] в[еличества] будет ему, Адиль-Гирею, на персияны воевать сухим путем или морем, то он, Адиль-Гирей, может их вскоре покорить и привести под сильную державу е[го] ц[арского]

⁷ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 51.

⁸ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М., 1789. С. 218. О деятельности А.П. Волинского в Астрахани см.: Курукин И.В. Артемий Волинский. М., 2011. С. 57–104; Кулаков В.О. Астрахань в персидской политике России в первой половине XVIII в. Астрахань, 2012.

⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 225–226.

¹⁰ Там же. С. 226–227.

¹¹ Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 50.

¹² РГАДА, ф. 77, оп. 6, д. 5, л. 2–3. Первоначально в его состав входило 15 узденей и служилых людей, но из-за слабой оснащённости подводами пятеро из них вернулись обратно в Тарки из Астрахани, а ещё шестеро (вероятно, торговцы) были оставлены в Москве.

¹³ Там же.

¹⁴ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 27.

в[еличества]»¹⁵, шамхал не скрывал от российских властей свои сложные отношения с другими кумыкскими владетелями. По словам посла, «он, Адиль-Гирей, выгнал из Тарков Молата-шавхала, из Андреева деревни кн. Чопан-шавхала и брата своего родного большого Муртазалея, которые держали партии персидского шаха; того ради оной Адиль-Гирей с братом своим Муртазалеем и с шавхалом имеет великие ссоры; а племянника своего, Муртазалеева сына Элдарбека, когда он, Адиль-Гирей, поддался под протекцию ц[арского] в[еличества] отдал в аманаты в гор. Терки»¹⁶.

Желая с помощью царских войск справиться со своими соперниками – утмышским Султаном Махмудом, Умалатом Казанищенским и Муртазали Буйнакским, чьи сыновья участвовали в нападении на отряд А.И. Лопухина (следовавшего по поручению Волынского по дагестанскому побережью из Шемахи в Астрахань с поручением доставить подарок шаха Персии Петру I – живого слона и вести по дороге подробный дневник), шамхал указывал, как легче поймать и наказать грабителей и каким путём отправить для этого войска¹⁷.

В тот же день, 20 апреля 1719 г., в Коллегии иностранных дел рассматривалось донесение астраханского губернатора А.П. Волынского, который писал о кумыках и Адиль-Гирее: «Для склонности того народа и для иных фракций оной бы был не безпотребен. Ежели изволите его удовольствовать и дать ему для охранения Тарков одну роту солдат, о чем он сам просит, также и жалования ему денежного и хлебного прибавить»¹⁸. 21 января на заседании Коллегии государственный канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон П.П. Шафиров, сенатор П.А. Толстой и А.П. Волынский сочли, что астраханскому губернатору следует встретиться в Терках с шамхалом и затем доложить обо всех обстоятельствах переговоров. 11 марта Пётр I предписал Волынскому принять Адиль-Гирея в Терках для того, чтобы выработать условия его вступления в российское подданство. Провожая в обратный путь Мамет-бека Алыпкачева, решили в качестве подарков шамхалу Тарковскому «денег дать рублей 500, да соболей и камок рублей на 500 же, дабы они были на милость е[го] в[еличества] благонадежны»¹⁹. Кроме того, исполняя волю царя Коллегия иностранных дел предписала казанскому губернатору П.С. Салтыкову дать указание терскому коменданту, чтобы тот в случае необходимости оказывал шамхалу военную помощь²⁰.

В апреле 1720 г. в Астрахани получили письмо родного брата Адиль-Гирея – Муртазали Буйнакского, сообщавшего, что он отправил в Москву послов с письменным обещанием верно служить царю, а сам лично явился в Терки для «учинения холопства», оставив своего сына в качестве аманата²¹. Одновременно Муртазали Буйнакский пытался очернить шамхала, утверждая: «Мой брат отложился от великого государя и послал человека своего в Персию [с сообщением], что великому государю служить не хочет и отдался шахову величеству аманаты свои и за то его пожаловал в шамхальство»²².

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 27–28.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 233.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ Магарамов Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2013. № 4. С. 6.

²² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 235. О своей вражде с Адиль-Гиреем Муртазали и ранее говорил Лопухину: Лопухин А.И. Журнал путешествия через

Возможно, что через посланцев Муртазали Буйнакского своё прошение царю отправили Чопан-шамхал Эндиреевский и другие засулакские владельцы. Во всяком случае, оба послания датированы 24 апреля. Подписавшие их правители готовы были отказаться от ориентации на персидского шаха ради получения от царя привилегий и защиты от неприятелей (требовавшей, по их расчётам, 10–20 тыс. солдат). В случае же отказа они угрожали «пойти к туркам и им поддаться и им служить». При этом Чопан-шамхал также утверждал, что Адиль-Гирей «от персиян получил некоторую сумму жалованья» и даже «пожалование в шамхалы»²³. 26 июля Пётр I направил Чопану Эндиреевскому и другим засулакским владельцам грамоту о принятии их в российское подданство²⁴. Условия перехода им следовало обговорить с Волинским.

Через месяц, 26 августа, Головкин и Шафиров распорядились, чтобы Волинский, хорошо осведомлённый об обстановке и происшествиях в Дагестане, «о том Муртазале подлинно разведал и рассмотрел, какого он состояния и сколько при нем подданных людей, и можно ли уповать на подданства оного, ежели его принять под протекцию его царского величества, интересам его величества какой пользы». В Петербурге буйнакскому властелину, видимо, не доверяли и не спешили принимать его в подданство. В то же время астраханскому губернатору предписывалось обходиться с ним ласково, «дабы его от страны его царского величества не отогнать»²⁵.

В январе 1721 г. Адиль-Гирей снарядил новое посольство к царю. На этот раз некий Айдара-Агу и секретарь шамхала Имам-Бердей доставили Петру I послания, в которых говорилось: «Прошу Вас, великого государя, дабы таким моим противникам и их доношениям без подлинного изъяснения не верить. А об моей верности извольте осведомиться от терского князя и от присланного Вашего толмача, которые... могут всю правду донести, а я истинно желаю Вам служить непоколебимо и показать верность свою... В прежних моих прошениях и через брата моего Мамет-бега мне объявлено, чтоб ожидать Артемья Петровича Волинского, которому приказано обо всем. И мы ожидаем его, но... он не прибыл и никакого подлинного решения по прошениям моим не имею... Еще ж прошу Вас, понеже мы имеем здесь нужды в кречетах и в других птицах, которых по указу не велено к нам пропускать, того ради прошу, дабы дать соизволение моим людям, чтоб им как в покупке тех птиц, так и в пропуске оных им запрещено не было. Понеже имеем мы немалую нужду в водяных судах для всяких случаев и для дел Ваших, государевых, того ради прошу, дабы повелено было к нам прислать три судна из пристани Вашего»²⁶. Корабли шамхал обещал использовать исключительно для торговли и в интересах царя. На обороте письма сохранилась запись о том, что посланцы привезли с собой несколько камней, предлагая изучить их состав и происхождение, а если они окажутся ценными и в них будет потребность, сообщили об этом шамхалу.

Адиль-Гирей, видимо, был обеспокоен как посланиями Муртазали Буйнакского и Чопана Эндиреевского, которые вели с ним междоусобную борьбу, так и неторопливостью Волинского. 28 февраля 1721 г. Коллегия иностранных

Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С. 11.

²³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 236.

²⁴ Там же. С. 236–237.

²⁵ Там же. С. 237.

²⁶ Там же. С. 239–240.

дел в соответствии с указом Петра I решила отправить шамхалу с его посланцами Айдаром и Имам-Бердеем жалованье за верную службу²⁷.

Накануне Каспийского похода всё больше дагестанских владельцев склонялось к тому, что находиться в российском подданстве выгоднее, чем служить Персии или оставаться нейтральными. Так, владевшие Эндиреевским княжеством Муртазали, Кебек и Айдемир 24 февраля 1721 г. писали царю: «Все мы между собою совет имея, вознамерились, дабы нам не быть в службе другого, кроме Вас, великого государя нашего, и желаем Вам служить верно и быть в послушании, и какие будут указы и повеления от Вашего величества и касающиеся до нас службы, то мы оные исправлять вседушно готовы»²⁸.

Установить связь с российскими властями пытался тогда и Хаджи-Дауд Мюшкюрский, больше известный своими выступлениями против России. 22 апреля 1721 г. он отправил к астраханскому воеводе И.В. Кикину два письма, уверяя: «Я ныне для дружелюбия пресветлейшему и державнейшему великому под руку идти, также и юрты свои отдать ему государю, верно служить готов, и как придет ваше войско и что понадобится строить город или иное, что я и буду со всеми своими людьми великому государю служить верностью». Хаджи-Дауд также обещал неприкосновенность русским купцам, а в случае постоянной доставки ему свинца и железа, соглашался предоставить им монополию на скупку и вывоз шёлка из Ширвана. В конце первого же его письма без каких-либо пояснений делалось предостережение: «И усмий, горский владелец, писал письмо, хочет от себя посланника послать, и тому письму верить нельзя и он недостоин»²⁹.

Волынский счёл условия, выдвинутые Хаджи-Даудом, неприемлемыми. Но, не дав его посланцам никакого официального ответа, астраханский губернатор тайно передавал ему сведения о позиции русского царя, которому «не противно то, что он с персиянами воюет и чтоб он не мирился с ними». При этом Петру I Волынский сообщал 15 августа 1721 г., ещё не зная о шемахинском погроме, учинённом Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом: «Дауд-бек ни к чему не потребен, он отвечает мне, что, конечно, желает служить Вашему величеству, однако ж чтоб Вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он отберет города у персиян и которые ему удобны, то себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а прочие уступает Вашему величеству, кои по той стороне Куры реки до самой Испагани, чего в руках его никогда не будет»³⁰. В то время через кабардинских князей в Астрахани ему уже было известно, что одновременно «Дауд-бек и Сурхай ребелизаны персидские послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи»³¹. Не сомневаясь в неискренности заявлений Хаджи-Дауда, Волынский без особого труда убедил Петра I не принимать его в своё подданство, что ещё больше усилило враждебное отношение владельца к России.

В сближении с российскими властями накануне Каспийского похода был заинтересован и уцмий Кайтагский Ахмет-хан, ранее державшийся нейтрально. «Объявляю вашему высокоблагородию, – писал он в апреле 1722 г.

²⁷ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. ... С. 30.

²⁸ Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, ф. I, оп. I, д. 59, л. 149. Письмо доставили Аразако Мурзуда и Эзкей.

²⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 240–241; Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч. 2. Махачкала, 1999. С. 59.

³⁰ Цит.: Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 57.

³¹ Цит.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 109.

Волынскому, – которой у нас между собой был разговор и в том я вашему высокоблагородию верил, послал я в Терской гарнизон в аманаты брата своего Асан-бека, сына его Темирхан-бека с дяткою своим Кочекаем при Петре Васильеве, понеже я слову вашему высокоблагородию верю и не чаю от вас двум словам быть для дружелюбия, и надобно наши дела между приятели и неприятели без остановки отправлять, какие дела будут, тако ж ежели от его императорского величества приказ какой будет и я служить верно буду, токмо прошу пожалуй о верности нашей его императорскому величеству донеси, а от меня до жизни своей к его императорскому величеству и живых слов и противности в делах никакой не будет»³². Возможно, именно после личной встречи с Волинским в 1721 г., получив от него какие-то обещания, уцмий склонился на сторону России. Как бы то ни было, ещё в октябре 1721 г. за аманатами прибыл посланец командира гарнизона Терской крепости П.В. Сафонов, по непонятной причине задержавшийся в Кайтаге до апреля 1722 г.³³ Лояльность уцмий, являвшегося одним из наиболее влиятельных правителей Дагестана и владевшего стратегически важным участком побережья между Дербентом и Тарковским шамхальством, имела накануне похода немалое значение.

9 сентября 1721 г., получив донесение о захвате Шемахи, убийстве русских купцов и разграблении их товаров, Волинский, готовивший поход, писал царю, что, поскольку Хаджи-Дауд и Сурхай-хан теперь, «конечно, будут искать протекции турецкой... того ради, государь, можно начать и на предбудущее лето»³⁴. Спустя некоторое время астраханский губернатор узнал и об обращении Хаджи-Дауда и Сурхай-хана за покровительством к турецкому султану, и о планах Турции захватить Дербент, что существенно осложнило бы положение России на Каспийском море.

Перед началом военных действий, 15 июля 1722 г., Пётр I обратился ко всем правителям и народам Восточного Кавказа и прикаспийских областей Персии с манифестом, в котором напоминал о прошлогоднем «шемахинском побоище», о долгой и бесплодной переписке с его зачинщиками – «бунтовщиками» Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом, отказавшимися возмещать нанесённый русским купцам ущерб, и об отсутствии у персидского шаха возможности наказать виновных. Чтобы оказать помощь в этом деле союзной Персии, царь решил ввести свои войска на территории, находившиеся под её юрисдикцией³⁵.

Однако впоследствии для поиска и преследования Хаджи-Дауда и Сурхай-хана российские отряды не предпринимали ни малейших усилий, и даже ни разу не вступали с ними в бой. Истинные цели Каспийского похода были совсем другими: Пётр I стремился взять под контроль водные пути, порты и гавани региона, и прежде всего уже обжитого западного и южного побережья Каспия (восточный берег оставался тогда ещё пустынным, безводным и диким). Дагестан и особенно крупный торговый город Дербент с его рейдовой стоянкой были для этого совершенно необходимы. Всё это оправдывало многолетние старания русских властей по привлечению на свою сторону местных владельцев, контролировавших отдельные участки прикаспийского караванного пути. В результате большая часть дагестанской правящей элиты и населения благожелательно отнеслась к появлению российской армии в Прикаспии.

³² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 242–243.

³³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 62.

³⁴ Цит.: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. IX. Т. 18. М., 1963. С. 373–374.

³⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 244–246.